

REFERENCES

1. Bieliaieva O. M. Terminological Collocations in Medical Latin and English: A Comparative Study / O. M. Bieliaieva, Yu. V. Lysanets, I. V. Znamenska, I. V. Rozhenko, N. M. Nikolaieva // *Wiadomości Lekarskie*. – 2017. – T. LXX. – Nr 1. – P. 139–143.
2. Bytsko N.I. Linguistic Aspects of Eponymic Professional Endocrinologic Terminology / N.I. Bytsko, L.B. Pavlovich, I.I. Bilous, I.V. Semenko // *International Journal of Endocrinology*. – 2017. – Vol. 13 (2). – P. 203–208.
3. Lysanets Yu. V. The use of Latin terminology in medical case reports: quantitative, structural, and thematic analysis [Електронний ресурс] / Yu. V. Lysanets, O. M. Bieliaieva // *Journal of Medical Case Reports*. – 2018. – 12(45). – Режим доступу до журн.: <https://doi.org/10.1186/s13256-018-1562-x>

УДК 821.124-1'01:61

Гончарова Н.А., Цисык А.З.

Учреждение образования «Белорусский государственный
медицинский университет»,
Минск, Республика Беларусь

МЕДИЦИНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ОВИДИЯ

У статті розглянуті фрагменти поезії Овідія зі своєрідним психотерапевтичним змістом, спрямованим на лікування юнаків від любовних переживань. Також розглянуто погляди Овідія на роль поетичної творчості у тамуванні душевних страждань поета, зумовлених засланням та умовами життя на засланні.

Ключові слова: поезія Овідія, любовні переживання, психотерапевтична роль поетичної творчості.

The article examined fragments of Ovid's poetic works with a kind of psychotherapeutic content aimed at helping young man to heal from love experiences. Also considered are the views of Ovid on the role of poetic creativity in alleviating mental suffering caused by exile and the conditions of stay in it.

Keywords: Ovid's poetry, love experiences, psychotherapeutic role of poetic creativity.

Система знаний о душевных и телесных недугах человека в античном обществе была на достаточно высоком уровне и даже входила в систему образования [2, с. 13 – 47]. Отсюда столь широкое как непосредственное, так и метафорическое использование описаний медицинского характера в ораторской и философской литературе, особенно в сочинениях Платона [7, с. 52 – 57]. Но не меньше таких описаний и в античной любовной поэзии, поскольку сильное любовное увлечение рассматривалось как своего рода помутнение здравого смысла ($\mu\alpha\nu\alpha$ у греков и *amentia* или *dementia* у римлян). Именно так влюбился Киклоп Полифем в морскую нимфу Галатею у Феокрита ($\sigma\theta\alpha\alpha\zeta\ \mu\alpha\nu\alpha\iota\zeta$ «прямым безумием» XI, 11), а выражение *amantes amentes* (влюбленные – безумцы) часто встречается в поэзии римских драматургов Плавта и Теренция [1, с. 47 – 48]. Но тот же Феокрит указывает и на одно из действенных средств борьбы с любовным помешательством – на песенно-поэтическое творчество. Обращаясь к своему близкому другу – врачу Никию в начальных строках идиллии (XI, 1 – 4; 7), он говорит:

Против любви никакого нет, Никий, на свете лекарства;
Нет ни в присыпках, ни в мазях, поверь мне, ни малого прока.
В силах одни Пиэриды помочь; но это лечение,
Людам хотя и приятно, найти его – труд не из легких.
Только от этого средства полегчало, будто, Киклопу. [4, с. 56].

И действительно, после исполнения своей эмоциональной «серенады», адресованной Галатее, Полифем образумился и пришел к выводу, что можно найти и другую Галатею, «даже получше» (XI, 76). А в заключительных строчках идиллии (XI, 80 – 81) Феокрит резюмирует:

Так успокоил любовь Полифем, слагая напевы.

Стоило это дешевле, чем если б лечился за плату. [4, с. 58].

Пиэриды в представлениях античного человека – это Музы, обитавшие в Пиэрии, гористой местности на севере Греции. Предводителем Муз (Мусагетом) был солнцеликий бог искусств Феб-Аполлон, певец и кифаред. Но этот бог – не только покровитель искусств, но и общий для античных греков и римлян бог-целитель, и он же – отец общего для них бога врачевания и медицины Асклепия-Эскулапа [1, с. 53 – 58.]. Отсюда, очевидно, в представлениях греков и римлян способность поэтического слова и песенно-поэтического творчества оказывать облегчающее, и даже исцеляющее воздействие на душу человека, пораженную любовными или иными аффектами.

Великий римский поэт Публий Овидий Назон (43 до н. э. – 18 н. э.), получивший в Риме и в Греции блестящее образование, безусловно, превосходно знал и греческую мифологию, отразив эти знания в знаменитых «Метаморфозах», и поэтическое творчество греческих и римских авторов. Именно он красочно рассказал в пятнадцатой книге «Метаморфоз» историю появления в Риме греческого бога-целителя Асклепия и становления его культа у римлян (XV, 626 – 744). Но он, безусловно, не был исключительно «книжным» поэтом и знал из своего жизненного опыта признаки многих недугов и не раз наблюдал их проявления. И тем более до мельчайших подробностей он знал все те душевные волнения и расстройства, которыми сопровождаются глубокая любовная привязанность и любовные переживания, – ведь им он посвятил и свои «Любовные элегии», и «Науку любви», и «Героини», и многие строчки из «Метаморфоз».

Эти знания Овидий воплощает и в своем произведении «Лекарства от любви», призванном научить юношей не поддаваться любовному искушению и найти от него способ избавления, если кто-то уже глубоко охвачен любовным чувством. И не случайно в первой части этого произведения (75 – 78) он обращается к Фебу-Аполлону – двуединому вдохновителю поэтов и всемогущему врачевателю (здесь и дальше текст данной поэмы Овидия дается в переводе на русский язык М.Л. Гаспарова [5, Т. 1, с. 205 – 224]):

Пусть же меня при начале трудов осенят твои лавры,

Феб, одаривший людей песней и зельем от мук!

Будь мне подмогой певцу, и целителю будь мне подмогой,

Ибо и это, и то вверено власти твоей.

Главную цель своего поэтического произведения Овидий видит, прежде всего, в том, чтобы убедить юношей, потерявших из-за несчастливой любви желание жить, сохранить свою жизнь:

Если кому от любви хорошо – пускай на здоровье

Любит, пускай по волнам мчится на всех парусах.

А вот когда еле жив человек от нестоящей девки,
Тут-то ему и должна наша наука помочь.
Разве это годится, когда, захлестнув себе шею,
Виснет влюбленный в тоске с подпотолочных стропил?
Разве это годится – клинком пронзая себе сердце? (13 – 19)

А начинать борьбу с коварным любовным недугом, убежден Овидий, нужно так же, как и с любой болезнью: пресечь ее зарождение в самом начале:

Помните, прежде всего: пока малое в сердце волненье,
Можно стопу удержать перед порогом любви.
Вытоптать в сердце сумей запавшее семя недуга –
И остановится конь тут же, на первом кругу. (79 – 82)

Третья строчка этого фрагмента в буквальном переводе звучит как «Подави в зародыше вредные семена внезапной болезни, пока они свежие», ее оригинал “*Opprime, dum nova sint subiti mala semina morbi*” стал известным афоризмом [1, с. 135].

В своих рекомендациях путей к исцелению от любовного недуга Овидий прибегает к аналогиям способа лечения телесных ран, когда врачевание нужно начинать немедленно, ибо промедление в лечении грозит опасными последствиями:

Видел я, видел не раз, как легко излечимая рана
Не получая лекарств, больше и глубже росла. (101 – 102).

В то же время, считает поэт, в случае уже укоренившегося чувства, как и в случае застаревшей раны, требуется особое лечение, в котором уже важную роль играет и количество времени лечения, и правильно выбранный режим приема лекарств:

Если, однако, для спешных вмешательств упущено время
И застарелая страсть пленное сердце теснит, –
Больше леченье доставит забот, но это не значит,
Что безнадежен больной для запоздалых врачей.
Я торопился лечить болезнь, не вошедшую в силу, –
Но для запущенных ран медленный нужен уход.
Время – царь врачеванья. Вино ли подносишь больному –
Вовремя дав – исцелишь, если же нет – повредишь.
Хуже можно разжечь, и злей возбудить нездоровье,
Если леченье начнешь в непредназначенный час (107 – 110; 131 – 134).

Просвещенный Овидий уже мало верит в силу заклятий и чар как средства спасения от любовного недуга и призывает к разуму и воле самого человека, читающего его наставления:

Предкам оставь колдовство – ведь нашей священной песней
Феб указывает тебе чистый к спасению путь.
Ибо не выгонят страсть из сердец никакие заклятья,
Ибо любовной тоски серным куреньем не взять. (251 – 252; 259 – 260).

Для лечения души, пораженной любовным недугом, Овидий рекомендует заняться разными видами активной социальной деятельности – работой в судебных делах или солдатской службой (151 – 166). Очень эффективными поэт считает и различные виды трудовой терапии. Для этого, по мнению Овидия, лучше всего подходит сельскохозяйственная деятельность, ибо «нет важнее трудов, чем земледельческий труд» (170). При этом придется потрудиться телу и выдержать

немалые телесные испытания, но оно того стоит, считает поэт, ибо этим вылечишь пораженную душу:

Скажут: мои предписанья суровы. Согласен, суровы –
Но, чтоб здоровье вернуть, всякую вынесешь боль.
Часто, когда я болел, случилось мне горькие соки
Пить, и на просьбы мои мне не давали еды.
Тела здоровье блюдя, ты снесешь и огонь, и железо,
И отстранишь от питья мучимый жаждою рот, –
А чтоб душа ожила, ужель пострадать не захочешь?
Право же, если сравнить – тела дороже душа. (225 – 232).

Но судьба поставила самого Овидия перед гораздо более тяжелыми испытаниями, чем душевные муки из-за любовной измены или несчастливой любви, описанных им в своих произведениях. В пятидесятилетнем возрасте, в расцвете творческих сил, поэтической славы и всеобщего уважения он по приказу правителя Рима Августа был вынужден оставить любимый Рим, семью и все, что ему было столь дорого, и отправиться в ссылку в далекие Томы на северо-восточных рубежах Римской империи (в районе современной румынской Констанцы). И только занятия поэзией позволили опальному поэту, по его неоднократным признаниям, и перенести тяжелый многодневный морской путь к Томам, и приспособиться к суровым и опасным будням жизни в этом римском городке «на краю ойкумены». Обо всем этом Овидий рассказывает в двух сборниках своих стихов – «Скорбные элегии» (*Tristia*) и «Письма из Понта» (*Epistulae ex Ponto*), написанные им в ссылке с 8 г. до н. э. по 18 г. н. э. Стихи из этих сборников в русском переводе мы цитируем по изданию [5]. «Отнято все у меня, что можно было отнять, – говорит поэт в «Скорбных элегиях», – только мой дар неразлучен со мной, и им я утешен» (III, VII, 46 – 47). В следующих книгах этого сборника поэт развивает эту тему:

Не для похвал я пишу, трудясь по ночам, не для долгой
Славы – полезней теперь имя негромкое мне.
Дух укрепляю трудом, от своих отвлекаюсь страданий,
И треволенья свои в слово пытаюсь облечь. (V, VII, 37 – 40)
Что же! За то, что я жив, что терплю все тяготы стойко,
Что не постыла мне жизнь и треволенья ее,
Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь целить. (IV, X, 115 – 118).

Последние две строчки в латинском оригинале – *Gratia, Musa, tibi, nam tu solatia praebes, / Tu curae requies, tu medicina venis* вошли в хрестоматийный фонд латинской авторской афористики.

В последние годы своей ссылки измученный физически и духовно Овидий в «Письмах из Понта» констатирует, что испытанное и многократно употребленное им самим средство – слова увещания, успокоения и утешения, которые ему шлют друзья, для него уже не столь эффективно. И сообщая об этом одному из авторов подобных успокоительных слов, он для большей убедительности ссылается на общеизвестный медицинский опыт:

К жизни больного вернуть врачу не всегда удается:
Часто болезни сильней всех изощренных искусств.
Кровь, как ты знаешь сам, что течет из чахоточных легких,
Нас, не сбиваясь с пути, к стиксовым водам ведет.

Пусть хоть сам Эскулап принесет эпидаврские травы,
Но не поможет и он, если до сердца удар.
У врачеванья нет средств с узловатой подагрой сладить,
Или больному помочь в сватке с водянкою злой.
Часто печаль на душе исцелению не поддается,
А поддается, так ждать долго приходится нам. (I, 3, 17 – 26)

Таким образом, в своем творчестве Овидию пришлось выступить в двух ипостасях создателя поэтического «психотерапевтического» слова, направленного на утешение и врачевание измученной души, активно используя образы и лексику из медицинского обихода и нередко используя их в метафорическом смысле.

В первом случае Овидий направляет свое поэтическое мастерство на помощь тем, кто терпит бедствие в «любвной лодке» и готов расстаться с жизнью. И здесь у поэта довольно большой арсенал разного рода психотерапевтических средств, он довольно убедителен в своих наставлениях, прибегая к сравнениям и аргументам из реальной жизни, в том числе и из медицинской практики.

Во втором случае поэту, попавшему в экстремальные условия, пришлось на самом себе испытать целительную роль поэтического слова в поддержании воли к жизни и сохранении духовно-интеллектуальных основ своей личности. И нужно сказать, что врожденная одержимость поэтическим словом, подаренная Овидию свыше, действительно оказалась для опального поэта тем лекарственным средством, которое не только помогло выжить изнеженному римлянину в суровых буднях дикой для него и скованной морозами чужбины, но и создать шедевры глубоко личной лирики, которую с пониманием, сочувствием и эстетическим наслаждением читают уже многие сотни поколений читателей.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гончарова Н.А. Латиноязычные афоризмы / Н.А. Гончарова, М.Г. Антонюк-Пруто, Н.А. Круглик. – Минск: БГУ, 2019. – 224 с.
2. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. Пер. с англ. Под ред. и послесл. А.А. Тахо-Годи. – М.: Прогресс, 1992. – 624 с.
3. Душенко К.В., Багриновский Г.Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений / К. Душенко, Г. Багриновский; под науч. ред. Д.О. Торшилова. – М.: Эксмо: Центр гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН, 2013. – 976 с. – (За словом в карман). С. 491.
4. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Перевод с немецкого М.Н. Ботвинника. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. – С. 13 – 47.
5. Овидий. Собрание сочинений в двух томах. – Санкт-Петербург: Биографический институт «Студия Биографика», 1994. – Т. 1 – 511 с., Т. 2 – 527 с.
6. Феокрит, Мосх, Бион. Идиллии и эпиграммы. Перевод и комментарии М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 326 с.
7. Цисык А.З. Платон о врачах и врачевании. / А.З. Цисык // *Anatomicum Latinicumque* - 2011: сб. науч. тр. преп. и студ. мед. и фарм. вузов России, Белоруссии и Украины. / Сост. Л.М. Тихонова, Н.В. Савельева. – Ульяновск: УлГУ, 2011. С. 52 – 57.